

Два уровня организации социального пространства Дальнего Востока: от "лишних людей" к недостатку трудовых ресурсов

Леонид Ефимович Бляхер
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 000048@pnu.edu.ru
Андрей Владимирович Ковалевский
Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, 012551@pnu.edu.ru

Аннотация. В статье анализируется пространственная организация Дальнего Востока России, порождающая устойчивый миграционный отток. Этот процесс, особенно в постсоветский период, рассматривается не как единый, а как совокупность потоков, различающихся по времени, пространственному положению и социальному статусу участников. Наиболее массовые исходы связаны с изменением типов хозяйственной и социальной организации. В период государственного интереса к региону возникает острый недостаток рабочих рук. В период же сокращения этого интереса формируется местная система социальной и хозяйственной организации, не предполагающая такого избытка, осуществляющая сброс "лишнего" населения. Современная ситуация осложнена тем, что постоянное население всё чаще заменяется вахтовыми работниками, не отражёнными в официальной статистике.

Ключевые слова: Дальний Восток, социальное пространство, территориальное сообщество, мобильность населения, постоянное и временное население, миграция

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554/> совместно с Министерством образования и науки Хабаровского края (соглашение 116C/2024).

Для цитирования: Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В. Два уровня организации социального пространства Дальнего Востока: от "лишних людей" к недостатку трудовых ресурсов. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2026. Т. 20, № 1. С. 11–21. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/11-21>

Original article
<https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/11-21>

Two Levels in the Organization of Social Space in the Russian Far East: From "Superfluous People" to a Shortage of Labor Resources

Leonid E. Bliakher
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 000048@pnu.edu.ru
Andrey V. Kovalevskii
Pacific National University, Khabarovsk, Russia, 012551@pnu.edu.ru

Abstract. The article analyzes the spatial organization of the Russian Far East that generates a persistent outflow of population. This process, particularly in the post-Soviet period, is considered not as a single phenomenon but as a set of migration flows differentiated by time, spatial position, and the social status of participants. The most massive departures are associated with shifts in economic and social organization. During periods of heightened state interest in the region, an acute shortage of labor emerges. Conversely, when this interest declines, a local system of social and economic organization takes shape, one that does not presuppose such a surplus and, in fact, produces the expulsion of "superfluous" people. The current situation is further complicated by the increasing replacement of permanent residents with rotational (shift) workers who are not fully reflected in official statistics.

Key words: Russian Far East, social space, territorial community, population mobility, permanent and temporary population, migration

The study was carried out with the support of a grant from the Russian Science Foundation (No. 24-28-00554, <https://rscf.ru/project/24-28-00554/>) in cooperation with the Ministry of Education and Science of Khabarovsk Krai (Agreement No. 116C/2024).

For citation: Bliakher L. E., Kovalevskii A. V. Two Levels in the Organization of Social Space in the Russian Far East: From "Superfluous People" to a Shortage of Labor Resources. *Ojkumena. Regional Researches*. 2026. Vol. 20, No. 1. P. 11–21. <https://doi.org/10.63973/1998-6785/2026-1/11-21>

Важнейшим инструментом конструирования социального пространства страны сегодня выступает Стратегия пространственного развития России до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Ведущей целью Стратегии применительно к Востоку России выступает преодоление сжатия социального пространства региона, оттока населения всё более явно обозначающегося в постсоветские десятилетия [4].

Процесс "сжатия" социального пространства Дальнего Востока парадоксален: при росте заработной платы (неравномерном) [18] и большом числе вакансий [19] отток населения сохраняется [2]. Это можно понять как сосуществование на одной территории двух режимов: один "выталкивает" (избыток рабочей силы и слабая поддержка), другой испытывает дефицит работников,

компенсируемый межрегиональной вахтой и иностранной миграцией. Цель работы — показать, как соотносятся эти режимы и связанные с ними сообщества. Мы рассматриваем два типа локальных сообществ: арктические поселения и сообщества юга Дальнего Востока России.

Важно подчеркнуть, что настоящая работа не является ни урбанистической, ни географической [21]. Предметом нашего исследовательского интереса является мобильность населения. Географические и градостроительные аспекты нас интересуют лишь в том случае, когда они непосредственно влияют на мобильность.

Эмпирическая база включает статистику миграции Росстата по постсоветскому периоду (обработка авторов), данные переписей по муниципалитетам и вторичные исследования (в т. ч. монография Н. Ю. Замятиной об урбанизации в Арктике и на Крайнем Севере [13]). Для интерпретации количественных трендов использованы интервью с жителями региона и бывшими дальневосточниками (2017–2024, n=12) и материалы более ранних интервью (2000–2012, n=23). Анализ интервью выполнен методами фрейм-анализа и проблематизации нарратива [3].

Теоретически мы исходим из связи "волн расселения" и типов хозяйствования с "технологическими укладами" [16]. Доминирующие технологии и логистика задают спрос на постоянное или временное население, структуру занятости и, в итоге, конфигурацию территориальных сообществ. В переходные периоды уклады могут сосуществовать, порождая разнонаправленные потоки и разные типы сообществ — эту ситуацию мы и анализируем.

Но прежде, чем перейти к анализу различий мобильности населения на уровне локальных сообществ, необходимо описать общую структуру постсоветской миграции. Внешне динамика населения в регионе выглядит достаточно линейно. После стремительного сокращения населения в начале 90-х гг. отток сохраняется до настоящего времени, хотя и замедляется на рубеже веков (см. табл. 1).

Однако при переходе даже на уровень субъектов федерации картина становится существенно более сложной.

Демографическая динамика макрорегиона имеет фазный характер [20]: резкое сокращение численности населения в 1990-е гг., замедление убыли в 2000-е и частичные развороты трендов в 2010-е – начале 2020-х. Это видно по годовым рядам численности субъектов ДФО и их агрегированным сводам, рассчитанным авторами на основе данных Росстата.

"Склон" — оценка линейного тренда численности населения в соответствующем периоде, единицы измерения: человек в год (чел./год). Расчет проводится как наклон линейной регрессии (прогрессии) на основе годовых данных Росстата. Положительные значения означают устойчивый прирост, отрицательные — устойчивое снижение.

Уже представленные данные позволяют нам выделить три типа территорий по уровню и скорости оттока населения. *Первую группу* ("смена тренда") образуют Республика Саха (Якутия) и Бурятия. В обоих случаях отрицательные наклоны 1990-х – 2000-х гг. сменяются положительными значениями в 2011–2023 гг. Здесь отмечаются относительно высокие показатели рождаемости, значительная доля сельского населения. Это частично компенсирует отрицательное миграционное сальдо. Как отмечалось выше, здесь имеется определенная этнокультурная специфика, требующая отдельного анализа.

Группу *умеренного снижения (менее 30%)* составляют: Приморский, Забайкальский и Хабаровский края, Амурская область. Общая черта — смягчение отрицательных трендов к 2010-х – 2020 гг. при сохранении убыли. К категории *существенного снижения (40–50%)* относятся Камчатский край, Сахалинская область и Еврейская автономная область. Здесь падение численности было более выраженным. При этом в каждом субъекте, демонстрирующем существенное снижение населения, присутствует набор уникальных факторов, требующих отдельного анализа, превышающего объем статьи.

Критическое сокращение демонстрируют северо-восточные территории: Магаданская область и Чукотский автономный округ. В 1990-е гг. они испытали наиболее резкое падение, а устойчивого снижения тенденции не произошло. Казалось бы, из этой закономерности "выпадает" Республика Саха. Однако огромная территория республики достаточно явно разделяется на

Табл. 1. Численность населения ДФО нарастающим итогом, чел.
 Tabl. 1. Cumulative Population of the Far Eastern Federal District, persons.

Год	Численность	Год	Численность	Год	Численность	Год	Численность
1991	10371557	2000	9007770	2009	8398485	2018	8096356
1992	10180950	2001	8895730	2010	8362625	2019	8066644
1993	10024111	2002	8811944	2011	8324638	2020	8009929
1994	9812057	2003	8725511	2012	8294534	2021	7966575
1995	9641345	2004	8641375	2013	8255021	2022	7903864
1996	9510957	2005	8550643	2014	8228649	2023	7866344
1997	9377068	2006	8478281	2015	8200444		
1998	9247925	2007	8444892	2016	8175095		
1999	9110906	2008	8414742	2017	8140965		

Источник: составлено авторами на основе [20].

Source: compiled by the authors based on [20].

южную часть, где наблюдается естественный рост населения, и северные районы, где отток населения протекает сходно с Чукоткой и Магаданом. Таким образом, выделяются два типа сообществ, наиболее специфичных для региона, и два варианта мобильности: сообщества Арктики и Крайнего Севера, сообщества южной части региона.

В целом по совокупности субъектов ДФО наблюдается замедление убыли населения: суммарный тренд среднегодового изменения численности населения составляет $-152\ 003$ человек / год в 1991–2000 гг., $-91\ 878$ человек / год в 2001–2010 гг. и $-37\ 689$ человек / год в 2011–2023 гг. (расчёт как сумма региональных трендов табл. 2).

В 2011–2023 гг. устойчивый положительный тренд зафиксирован в 2 из 11 субъектов (Республика Саха (Якутия) и Республика Бурятия). В остальных 9 субъектах сохраняется устойчивое снижение численности населения.

Диапазон изменения численности населения субъектов ДФО за 1991–2023 гг. составляет от $-7,6\%$ до $-67,5\%$; медианное снижение по субъектам: $-28,5\%$ (табл. 2). Наиболее выраженное сокращение характерно для Магаданской области и Чукотского автономного округа.

Проследить специфику процесса сокращения сообществ региона, ориентируясь на особенности заселения и пространственной организации сообществ¹, абстрагируясь от административных границ, мы попытаемся ниже. Дальнейший анализ строится как рассмотрение двух идеальных типов локальных сообществ (арктические / северные и южные), поскольку именно они в наиболее чистом виде демонстрируют разные механизмы сочетания оттока постоянного населения и привлечения временных работников, тогда как внутри каждого субъекта возможны дополнительные вариации, требующие отдельного исследования.

Миграция и формирование локальных сообществ северных территорий

Наиболее критическое сокращение населения фиксируется на северных и арктических территориях [13; 24]. Их освоение в значительной степени инициировалось государством и связано с индустриальным укладом и транспортными задачами (в т. ч. формированием Северного морского пути как се-

¹ Общие соображения автора на эту тему высказаны в ходе "круглого стола", организованного журналом "Ойкумена. Регионоведческие исследования". (2025. Том. 19, № 1. С. 72–83).

Табл. 2. Региональная динамика численности населения регионов ДФО по трендам (1991–2000 гг., 2001–2010 гг., 2011–2023 гг.)

Tabl. 2. Regional Population Dynamics of the Russian Far East by Trends (1991–2000, 2001–2010, 2011–2023)

Регион	Склон 1991–2000 (чел. / год)	Склон 2001–2010 (чел. / год)	Склон 2011–2023 (чел. / год)	%, изменение от 1991 к 2023 г.	Классификация
Республика Бурятия	-5900	-613	301	-7.6	смена тренда (к росту)
Республика Саха (Якутия)	-16244	-484	4190	-9.0	смена тренда (к росту)
Хабаровский край	-18757	-13401	-5577	-21.3	умеренное снижение
Приморский край	-22488	-14352	-11741	-22.0	умеренное снижение
Забайкальский край	-13538	-9205	-9479	-24.7	умеренное снижение
Амурская область	-13591	-9809	-5742	-28.5	умеренное снижение
Еврейская автономная область	-3104	-2654	-2375	-33.8	существенное снижение
Сахалинская область	-18765	-11968	-2648	-35.9	существенное снижение
Камчатский край	-12110	-8230	-2621	-39.3	существенное снижение
Магаданская область	-18101	-18159	-1749	-63.5	критическое сокращение
Чукотский автономный округ	-9405	-3003	-248	-67.5	критическое сокращение

Источник: составлено автором на основе сводных данных, предоставленных Федеральной службой государственной статистики.

Source: compiled by the authors on consolidated data provided by the Federal State Statistics Service.

верного аналога Транссиба) [6; 10]. Поэтому анализ специфики мобильности целесообразно начать с этих сообществ.

Северный морской путь рассматривался как артерия, способная связать районы Крайнего Севера и Арктики, богатые полезными ископаемыми, с европейскими центрами страны. К моменту его освоения здесь проживало немного людей: главным образом представители коренных народов [9]. Основные поселения в рамках новой волны урбанизации создавались переселенцами, среди которых до 13% составляли подневольные работники [11].

Эти поселения делились на два основных типа. Во-первых, порты Северного морского пути: Тикси, Певек, Анадырь, Провидения и другие. Во-вторых, города при крупных месторождениях полезных ископаемых, чаще всего расположенные уже за пределами собственно Арктики, но в зоне Крайнего Севера. Таковыми стали, например, Мирный и Надеждинский в Якутии, Су-суман и Магадан в Магаданской области [15].

И те и другие центры возникали из жёсткой экономической (добыча полезных ископаемых) и военно-стратегической (перевоска войск) необходимости [11]. Но специфика логистической ситуации была такова, что для эффективного решения главной задачи было необходимо создание практически автаркичной системы [13], поскольку доставка с "большой земли" многократно повышала издержки производства. Да и переработку было часто целесообразно организовывать на месте. Очень быстро здесь формировались дополнительные производства и виды деятельности, не связанные напрямую с добычей сырья [8]. В результате складывалось двусоставное сообщество. Одна часть направлена на решение государственных задач. Другая – обеспечивает местное сообщество, решающее государственные задачи. Первое сообщество вполне видимо. Результаты его труда значимы для страны в целом. Второе

Табл. 3. Периоды (эпохи) постсоветской трансформации сообществ и мобильности населения в ДФО
 Tabl. 3. Periods (Stages) of Post-Soviet Transformation of Communities and Population Mobility in the Far Eastern Federal District

Период	Количественный индикатор (суммарный тренд, чел. / год)	Доминирующий режим организации занятости / расселения	Преобладающий механизм мобильности
1991–2000	–152 003	Демонтаж советской системы расселения и занятости; высвобождение работников	Массовый отток и "сброс" избыточного постоянного населения
2001–2010	–91 878	Локальная адаптация и формирование / укрепление местных хозяйственных схем	Замедление оттока при сохранении отрицательного баланса
2011–2023	–37 689	Усиление "больших проектов" и рост роли вахтовых / временных работников	Сочетание продолжающегося оттока постоянных жителей с восполнением дефицита трудовых ресурсов временной занятостью

Источник: составлено авторами

Source: compiled by the authors.

– инициировалось местным управленцем или просто возникало, как форма самообеспечения, выживания.

Для оперативного руководства здесь создавались особые суперорганизации (Комитет Северного морского пути и "Дальстрой"), структуры, отвечающие не только за эксплуатацию государственно значимых направлений хозяйства, но и за развитие территорий. Они и инициировали создание "малой экономики", не связанной напрямую с выполнением государственной задачи, но делающей возможным это выполнение [17]. Возникали новые ("подсобные") производства, новые инженерные и градостроительные решения. Формировалось "второе" сообщество, которое постепенно становилось более многочисленным, нежели то, что было задействовано на "главном" направлении [8].

До распада ГУЛАГа основу ИТР и работников "подсобных" производств составляли заключённые, но постепенно росла и доля вольнонаёмных, причём особого типа. Парадоксальным образом многие ехали в пространство лагерей "за свободой". Сверхорганизация создавала "тень", в которой вполне комфортно уживались пассионарии [13]. Эта ситуация особенно заметна в 1950-х – 1960-е гг., после сворачивания лагерной системы. Так, почти во всех ретроспективных интервью присутствует фрейм, связанный с идеей "человека-хозяина", идеей "свободы на Севере".

"Сюда ехали не просто за длинным рублем. Хотя, конечно, за ним тоже. В каком-нибудь Челябинске профессор получал триста рублей после реформы, а я на Севере мог до тысячи заработать. Только это, как сказать, во-вторых, что ли. Во-первых, я на Севере почти сам себе хозяин. Я решаю, я рискую. И получаю за риск".

Мужчина, образование высшее, пенсионер, бывший инженер, 78 лет. Интервью 2014 г., г. Хабаровск.

В условиях, когда значительная часть населения оставалась жёстко прикреплённой к месту жительства, к переменам стремились наиболее активные группы. Переезд в Москву или иной крупный город, ограниченный правилами прописки, нередко сопровождался трудностями, а отношение к "лимитчикам" было настороженным и часто неприязненным [7]. Для тех, кто не желал долгие годы мириться с подобным положением ради столичной прописки, Север представлялся более привлекательной альтернативой.

Число занятых в "большой экономике" росло медленнее, чем в "местной", и северные города быстро обрстали социальной и досуговой инфраструктурой — то, что Л. Хаски, описывая Аляску, назвал "феноменом Джека Лондона" [25]. В интервью фиксируется усиление связи с местом и формирование устойчивых сообществ. К 1970-м – 1980-м гг., несмотря на демонтаж

сверхорганизаций [24], складывается двусоставность: поддерживаемое государством сообщество "большой экономики" и "тень" — "малая" хозяйственная система, обеспечивавшая повседневное существование поселений, опираясь и на ресурсы отраслей, и на местные практики [4].

Ситуация изменилась в "эпоху нефти и газа". Причина заключалась прежде всего в изменившейся логистике. С развитием новых видов транспорта многие функции прежних центров стали избыточными. Переработка сырья, ранее связанная с местами добычи, переместилась в более доступные районы, а количество непрофильных производств существенно сократилось. "Большая экономика" на территории больше не нуждалась в "малой", местной экономике для своего существования [1].

Вахтовый метод, первоначально характерный для нефтяных посёлков Западной Сибири, постепенно распространился и на "старые центры". Новые собственники сбросили социальные обязательства и непрофильные производства, превратив прежних "хозяев" Севера в наёмных работников. Этот фрейм также фиксируется в интервью. Местное сообщество, связанное с "малой" экономикой, начинает деградировать. Направления, связанные с общегосударственными задачами, постепенно заменялись вахтой.

На Чукотке, где многие предприятия выработали ресурсы или стали нерентабельными, инфраструктура, быстро созданная рядом с приисками и шахтами, стремительно сворачивалась после их закрытия [5]. Снижение миграции в последние десятилетия связано скорее с тем, что число потенциальных мигрантов здесь стало статистически незначительным: местное хозяйство обеспечивает главным образом автохтонное население, а новых экономически эффективных занятий для других акторов не возникает.

Несколько иная картина складывается в крупных центрах (Магадан, Мирный, Сусуман и др.), где запасы ещё не исчерпаны. В интервью видна деградация местного сообщества и перевод части работ на вахтовый или экспедиционный метод — но не полностью. Эти поселения входят в число опорных: сохраняются административные и социальные функции, а жить здесь чаще предпочитают уникальные специалисты, инженеры и управленцы. Формируется тип опорных центров, обслуживающих "вахту" [13].

Схожие процессы, хотя менее очевидные, происходят в арктических и северных районах Республики Саха (Якутия). В целом, по республике статистика демонстрирует разворот тенденции и рост населения. Однако при рассмотрении конкретных районов и поселений видны две модели: одни напоминают Чукотку, где происходит возврат к архаическим формам хозяйствования с минимальными индустриальными дополнениями, другие ближе к Магадану, где сохраняются отдельные функции и формируются новые [12].

Динамика локальных сообществ в южных регионах Дальнего Востока

Иное развитие получили южные районы региона, главным образом расположенные вдоль Транссиба. Здесь не возникло сверхорганизаций типа "Дальстроя". Приграничное положение, угроза со стороны Японской империи и Маньчжоу-Го, а позднее — Китая, делали именно военную корпорацию главной силой, формировавшей идентичность территориального сообщества. Соответственно складывалась структура населения: воинские части и пограничные заставы, обслуживающие их организации, строительные подразделения (часть в составе СА), оборонные предприятия, составлявшие основу индустрии. Сельское хозяйство, существовавшее в Приморском крае, южных районах Хабаровского края, Забайкалье и Еврейской автономной области, оставалось статусно и численно второстепенной сферой: даже с учётом лесного хозяйства и рыболовства, рассматриваемых в качестве ключевых отраслей территории, доля занятых здесь редко превышала 18–22 % [22].

Хабаровск до 1937 г. юридически, а затем фактически до конца советского периода оставался центром макрорегиона, что сформировало здесь обширный слой бюрократии: партийной, военной (штаб ДВО) и НКВД. Владивосток сосредоточил на себе административные функции прибрежных территорий. Здесь размещались штаб Тихоокеанского флота с многочисленными учреждениями, центры подготовки военных и гражданских моряков, а также административные структуры, обслуживавшие морскую сферу.

Длительное присутствие значительного числа высокостатусных потребителей стимулировало развитие "дополнительных" сфер: образования, включая высшее, инженерной науки, медицины, социальной сферы, торговли и общепита. В крупных городах функционировали театры, в том числе театр ТОФ, ОДОРА, филармонии. Большое значение имели заводские учреждения культуры: например, ДК завода судостроителей в Комсомольске-на-Амуре был крупнейшим культурным центром города.

Разумеется, на южных территориях ДВФО (за исключением ЕАО, тогда входившей в состав Хабаровского края) существовали районы, развивавшиеся по логике "северов", как центры добычи полезных ископаемых. Однако основная часть населения Юга Дальнего Востока жила не там. Причём значительная и наиболее статусная её часть не рассматривала эти территории как место постоянного проживания. Военнослужащие и сотрудники силовых ведомств, находившиеся здесь временно, были ориентированы на миграцию.

Непостоянным было и положение "приглашённых специалистов" (инженеров, врачей, преподавателей и др.): отработав несколько лет и получив льготы, многие возвращались домой. Вертикальная организация управления предполагала, что на определённом этапе карьеры следовал отъезд [23]; переезд, особенно в столичные центры, трактовался как показатель карьерного роста.

Однако большая часть населения территориального сообщества, особенно его новая часть, была связана не с элитными сферами деятельности: армией, службами безопасности, партийно-советской бюрократией или уникальными специалистами, а с функционированием оборонных предприятий, обслуживанием военных баз и военных городков.

Оборонные предприятия, появление которых часто совпадало с возникновением нового города или посёлка, вызывали не только приток большого числа законтрактованных работников, но и формирование разветвлённой социальной инфраструктуры и системы подсобных производств, содержавшихся самими предприятиями. Фрейм, связанный с ролью социально-культурной инфраструктуры крупных производств, прослеживается в интервью совершенно чётко.

"Если у властей в городе (Комсомольске-на-Амуре – прим. автора) возникали проблемы, то куда он шёл? Понятное дело – к директору завода имени Гагарина. На него всё замыкалось. Котельные, /.../ отапливали – от завода. Школы, садики – от завода. Проще сказать, чего завод не делал". Мужчина, 63 г., образование высшее, преподаватель Тихоокеанского государственного университета, бывший житель Комсомольска-на-Амуре, г. Хабаровск.

События первой половины 1990-х гг. в южной части Дальнего Востока были связаны прежде всего с резким сокращением числа воинских частей и конверсией предприятий ВПК. В результате уменьшалась не только численность офицеров, но и количество предприятий, обслуживавших военные гарнизоны. В разы сокращалось число рабочих как на оборонных заводах, так и в организациях, связанных с "оборонкой". В кратчайшие сроки в регионе возникла масса "лишних" людей, что стало мощным выталкивающим фактором.

Однако действовал не только этот механизм. В поток отъезжающих включались традиционно мобильные группы: военнослужащие, сотрудники силовых ведомств, представители администраций. Если раньше убытие офицера к новому месту службы сопровождалось его заменой, то теперь фиксировался только отток. Ликвидация партийных структур КПСС и ВЛКСМ также выступила фактором выталкивания. Уезжали и приглашённые специалисты, причём замены им уже не прибывало. Сокращение финансирования учреждений культуры и образования вызвало дополнительный отток в этих сферах [3].

Подобные процессы наблюдались и в других частях страны, однако столь массовый исход оказался характерен именно для описываемой территории. Здесь сказалось то, что до 60 % жителей региона [14] прибыли в 1960-е – 1980-е гг. (на новые заводы, воинские части, строительство БАМа и др.). Переселенцы последних советских миграционных потоков, особенно в южной части региона, сохраняли связь с точкой исхода. Это существенно облегчало отъезд, снижая издержки миграции. Всё это и воплотилось в резкое сокращение населения (см. табл. 3) в первой половине 1990-х гг.

Оставшаяся часть населения, сбросив избыток "лишних" людей, в кратчайшие сроки выстраивала новую экономику, ориентированную на выживание местного сообщества, направленную и на автаркию, напоминающую "малую экономику" северных сообществ. В отличие от прежней системы, реликты которой продолжали деградировать десятилетиями, новая экономика опиралась на торговлю сырьём с сопредельными странами, на местную ресурсную базу и наличные трудовые ресурсы. Под эгидой губернатора [3] происходило частичное восстановление социальной сферы. Отток населения не прекращался, но его масштабы снижались.

В 2000-е усилился приток федеральных ресурсов в регионы, что сопровождалось снижением интенсивности миграции на макроуровне (табл. 3) и расширением занятости. Однако к концу десятилетия фиксируется новый отток бизнесменов и администраторов: рациональнее стало находиться ближе к "истоку" финансового потока. В 2010-е изменение роли губернаторов и ужесточение борьбы с "серой экономикой" [3] ускорили угасание "губернаторской" хозяйственной системы. Её сменяет эпоха "больших проектов": она опирается на государственное (или квазигосударственное) финансирование, активно использует вахту и тем самым сокращает спрос на постоянное население, одновременно усиливая кадровый дефицит.

Дискуссия

Ряд положений настоящей работы следует рассматривать как гипотезы, требующие дальнейшей проверки и уточнения. Во-первых, влияние вахтовой занятости на реальную численность населения и инфраструктурную нагрузку может быть недооценено в силу ограничений официальной статистики, фиксирующей преимущественно постоянное население. Во-вторых, предложенная дихотомия "двух уровней организации" и типология сообществ (арктические / южные) носит аналитический характер и неизбежно упрощает внутрисубъектное разнообразие режимов занятости и мобильности. В-третьих, причинные связи между изменением логистики, технологических режимов и трансформацией локальных сообществ реконструируются на основе совмещения статистических трендов и нарративов и требуют дальнейшего эмпирического уточнения.

Тем не менее, даже с учётом указанных ограничений, сочетание фазной статистической динамики и устойчивых фреймов в интервью позволяет интерпретировать миграционные процессы в ДФО как результат сосуществования двух режимов социально-экономической организации, предъявляющих различные требования к численности и типу населения (постоянное / временное).

Таким образом, анализируя статистические данные, массив интервью (нарратив) и вторичные данные, можно предположить с высокой степенью достоверности, что в регионе имеются две не всегда связанные между собой хозяйственные системы.

Одна ориентирована на решение значимых общегосударственных задач. Именно о ней отчитываются региональные руководители. Но эта хозяйственная система минимально влияет на самообеспечение территориального сообщества. В результате складывается и иное сообщество, не особенно связанное с основным направлением, но обеспечивающее и себя, и тех, кто на этом направлении занят. Это "местное" сообщество в условиях Крайнего Севера использовало, в основном, ресурсы, перетекающие из "большой экономики", поэтому оказывалось особенно уязвимым. Здесь можно выделить два этапа мобильности: формирование сообщества с установкой на автаркию в 1930-е – 1970-е гг.; его деградация в последующий период, усилившаяся после распада СССР. Возрастание роли Северного морского пути в современных условиях едва ли приведёт к восстановлению устойчивых поселений в этом пространстве. Скорее, речь может идти о более или менее временных жителях (вахта, командировка, экспедиция) в важных логистических или добывающих центрах.

В южных районах, там, где ресурсная база была больше, сообщество было более устойчивым. Тем не менее, и здесь разделение на два уровня (областной и локальный) было более или менее явным. Распад хозяйственной системы СССР для Крайнего Севера стал катастрофой, вызвавшей дегра-

дацию и "большого", и "малого" сообщества, поддерживаемого государством. Восстановление отраслей "большого" хозяйства здесь шло, если шло, на иных условиях, требующих существенно меньше человеческих ресурсов. Соответственно, здесь возникает более сложная картина миграции, трансформации территориальных сообществ в постсоветский период. На первом этапе (см. таблицу 2) идёт деградация советской системы расселения, сброс избыточного населения. Но возникает, в отличие от "северного" варианта, промежуточный период и новое *региональное* сообщество.

В южных районах "малое" хозяйство и ориентирующееся на него сообщество занимало весь советский период подчинённое положение, его представители обладали относительно низким статусом. Положение дел меняется после распада СССР, когда "большое хозяйство" (ВПК, военные городки) сворачивается. Здесь "местная экономика" становится ведущей сферой. Соответственно, она формирует новое сообщество, возникающее во второй половине 1990-х гг., процветающее в первое десятилетие текущего века.

Возврат государства и "больших проектов" приводит к деградации общества, сложившегося в 1990-е гг. Впрочем, в отличие от ситуации Крайнего Севера, деградация эта гораздо менее полная и менее стремительная, что и даёт нам картину снижения отрицательных трендов. Наличие крупных логистических центров, системы крупных вузов и НИИ (ДВО РАН), развитой социально-культурной инфраструктуры повышает шансы на обретение территориальным сообществом новых смыслов и форм существования. Тем не менее, наличие и дальнейшее распространение вахты и здесь вносит свои коррективы, повышая мобильность прежде вполне стационарного населения.

Заключение

Парадокс ДФО, где сохраняется устойчивый отток при дефиците работников и росте зарплат, можно объяснить сосуществованием двух режимов хозяйственной и социальной организации, по-разному предъявляющих спрос на постоянное и временное население. Отсюда следует, что меры "закрепления населения" и кадровое обеспечение крупных проектов должны различаться по логике и адресатам, а планирование инфраструктуры в опорных центрах – учитывать временную занятость и временное население. Схожие конфигурации описаны и для других северных ресурсных территорий (например, Аляски [24]), что задаёт сравнительную перспективу; вместе с тем интерпретация требует дальнейшей эмпирической проверки на уровне муниципалитетов и по индикаторам временной мобильности. Для практической политики важно различать эти режимы при оценке нагрузки на жильё, образование и медицину в опорных центрах и при выборе адресатов поддержки. Это позволяет избежать "переплаты" за меры, которые не затрагивают реальные механизмы отъезда.

В современных условиях формируются новые вытесняющие факторы и группы, ориентированные на исход: (1) жители, связанные с деградирующей "губернаторской" и реликтовой советской экономикой, порождающей новых "лишних" людей; (2) управленцы прежней эпохи, которых вытесняют команды федеральных проектов; (3) молодёжь и мобильные профессиональные группы, для которых отъезд по-прежнему воспринимается как этап карьерного роста. Их сменяют новые управленцы и контролёры, формирующие опорные центры и организующие вахтовые схемы, что усиливает ощущение "временности" даже у тех, кто остаётся в регионе.

Процесс этот далёк от завершения и на ряде территорий (в т. ч. Камчатка и Сахалин) остаётся разнонаправленным. Расширение вахтовых схем сокращает спрос на постоянный труд и вытесняет часть работников, тогда как элементы прежних систем занятости и расселения сохраняются. Новая связка постоянного и временного населения и связанных с ними практик управления лишь формируется.

Литература

1. Алешкевич Е. С. Реализация политических решений освоения Крайнего Севера: к истории развития вахтового метода // Крайний Север: особенности труда и социализации человека – Био-

- графия, вахтовый труд и социализация человека в северном индустриальном городе Материалы научно-практической конференции в г. Новый Уренгой, Россия, 4–6 декабря 2008. Б.м., 2008. С. 102–109.
- Aleshkevich E. S. Implementation of Political Decisions on the Development of the Far North: On the History of the Development of the Shift Method // *Biography, Shift-labour and Socialisation in a Northern Industrial City – The Far North: Particularities of Labour and Human Socialisation*. 2008. P. 102–109. (In Russ.)
2. Ардалянова А. Ю., Винокурова А. В., Ковалевский А. В., Сердюков К. Н., Яковлев А. И. Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2023. № 2 (65). С. 69–76. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>
 - Ardal'yanova A. Yu., Vinokurova A. V., Kovalevskii A. V., Serdyukov K. N., Yakovlev A. I. Migrants and Migration in the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches*. 2023. No. 2 (65). P. 69–76. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-2/69-76>
 3. Бляхер Л. Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с. Blyakher L. E. The Art of Uncontrolled Life. Moscow: Europa, 2014. 208 p. (In Russ.)
 4. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Жизнь в пустоте. Антропологические очерки за пределами властного регулирования. М.: Common Place, 2024. 272 с. Blyakher L. E., Grigorichev K. V., Kovalevskii A. V. Life in the Void: Anthropological Essays Beyond Power Regulation. Moscow: Common Place, 2024. 272 p. (In Russ.)
 5. Бреславский А. С. "Нерентабельная" урбанизация: трансформация сети городских поселений Чукотки в конце 1980-х – 2010-х гг. *Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН*. 2022. № 4. С. 53–60. Breslavskii A. S. "Unprofitable" Urbanization: Transformation of the Network of Urban Settlements of Chukotka in the Late 1980s–2010s. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2022. No. 4. P. 53–60. (In Russ.)
 6. Великая Сибирская железная дорога. Санкт-Петербург: Издание канцелярии Комитета министров, 1901. 16 с. URL: <https://www.prlib.ru/item/400132> (дата обращения: 20.09.2025). The Great Siberian Railway. St. Petersburg: Publishing Office of the Committee of Ministers, 1901. 16 p. URL: <https://www.prlib.ru/item/400132> (accessed 20.09.2025). (In Russ.)
 7. Горлов В. Н. Московские лимитчики 1960–80-х гг. как особая категория жителей столицы. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2018. № 1. С. 72–80. Gorlov V. N. Moscow "Limitniki" of the 1960s–1980s as a Special Category of the Capital's Residents. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*. 2018. No. 1. P. 72–80. (In Russ.)
 8. Грибанова И. В. Дальстрой: экономическое освоение Северо-Востока СССР в 1930–1950-х гг. *Экономическая история: ежегодник*. 2009. С. 453–506. Gribanova I. V. Dalstroy: Economic Development of the North-East of the USSR in the 1930–1950s. *Economic History: Yearbook*. 2009. P. 453–506. (In Russ.)
 9. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 269 с. Gurvich I. S. Ethnic History of North-Eastern Siberia. Moscow: Nauka, 1966. 269 p. (In Russ.)
 10. Гуриева Л. К. Концепция технологических укладов. *Инновации*. 2004. № 10. С. 70–75. Gurieva L. K. The Concept of Technological Structures. *Innovations*. 2004. No. 10. P. 70–75. (In Russ.)
 11. Емелина М. А., Филин П. А., Савинов М. А. Военно-стратегическое значение Северного морского пути: исторические аспекты. *Военно-исторический журнал*. 2019. № 7. С. 4–13. Emelina M. A., Filin P. A., Savinov M. A. The Military-Strategic Significance of the Northern Sea Route: Historical Aspects. *Military-Historical Journal*. 2019. No. 7. P. 4–13. (In Russ.)
 12. Журавель В. П., Назаров В. П. Северный морской путь: настоящее и будущее. *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2020. № 2. С. 140–158. Zhuravel V. P., Nazarov V. P. The Northern Sea Route: Present and Future. *Russian Social and Humanitarian Journal*. 2020. No. 2. P. 140–158. (In Russ.)
 13. Замятина Н. Ю. Город в пустоте. Урбанизация и Арктика. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 456 с. Zamyatina N. Yu. City in the Void. Urbanization and the Arctic. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 2025. 456 p. (In Russ.)
 14. Ковалевский А. В., Бляхер Л. Е. Горожанин в поисках сообщества: особенности организации дальневосточного городского пространства (на примере города Хабаровска). *Идеи и идеалы*. 2023. Т. 15, № 1. С. 134–147. Kovalevskii A. V., Blyakher L. E. The Citizen in Search of a Community: Features of the Organization of Urban Space in the Russian Far East (The Case of Khabarovsk). *Ideas and Ideals*. 2023. Vol. 15, No. 1. P. 134–147. (In Russ.)
 15. Лукин И. И. Первостроители. Из истории строительства на Крайнем Северо-Востоке СССР. Магадан, 1986. Lukin I. I. The First Builders. From the History of Construction in the Far North-East of the USSR. Magadan, 1986. (In Russ.)

16. Пилясов А. Н. Новая экономическая география и её потенциал для изучения размещения производительных сил в России. *Региональные исследования*. 2011. № 1. С. 3–31.
Pilyasov A. N. New Economic Geography and Its Potential for Studying the Distribution of Productive Forces in Russia. *Regional Studies*. 2011. No. 1. P. 3–31. (In Russ.)
17. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю. Суперорганизации в управлении Арктикой: исторический опыт и современные интерпретации // Государственные и общественные организации в управлении Арктикой: прошлое, настоящее, будущее. М.: Паулсен, 2020. С. 160–173.
Pilyasov A. N., Zamyatina N. Yu. Super-Organizations in the Governance of the Arctic: Historical Experience and Contemporary Interpretations // State and Public Organizations in the Governance of the Arctic: Past, Present, Future. Moscow: Paulsen, 2020. P. 160–173. (In Russ.)
18. Рубина А. Е. Рекомендации по улучшению социально-демографической ситуации на Дальнем Востоке в современных условиях. *Миграция и социально-экономическое развитие*. 2018. Т. 3, № 3. С. 129–134.
Rubina A. E. Recommendations for Improving the Socio-Demographic Situation in the Far East under Current Conditions. *Migration and Socio-Economic Development*. 2018. Vol. 3, No. 3. P. 129–134. (In Russ.)
19. Рязанцева М. В. Стимулирование притока трудовых ресурсов на территории опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока. *Российское предпринимательство*. 2015. Т. 16, № 18. С. 3091–3102.
Ryazantseva M. V. Stimulating the Inflow of Labor Resources into the Territories of Advanced Socio-Economic Development in the Far East. *Russian Entrepreneurship*. 2015. Vol. 16, No. 18. P. 3091–3102. (In Russ.)
20. Садловская М. В., Ковалевский А. В., Блякхер Л. Е. Путь с Востока на Запад: межрегиональный миграционный обмен на Востоке России с 1991 по 2022 гг. Часть 1. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2024. № 4. С. 95–108. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>
Sadlovskaya M. V., Kovalevskii A. V., Blyakher L. E. The Road from East to West: Interregional Migration Exchange in Eastern Russia from 1991 to 2022. Part 1. *Ojkuмена. Regional Researches*. 2024. No. 4. P. 95–108. (In Russ.). <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/95-108>
21. Стась И. Н. Множественная урбанистика и ее языки описания. *Городские исследования и практики*. 2024. № 9(4). С. 6–21.
Stas I. N. Multiple urbanism and its languages of description. *Urban Research and Practice*. 2024. No. 9(4). P. 6–21.
22. Трофимов И. А., Трофимова Л. С., Яковлева Е. П. Земля и сельское хозяйство Дальнего Востока. *Жизнь Земли*. 2022. Т. 44, № 2. С. 192–201.
Trofimov I. A., Trofimova L. S., Yakovleva E. P. Land and Agriculture of the Russian Far East. *Life of the Earth*. 2022. Vol. 44, No. 2. P. 192–201. (In Russ.)
23. Туфанов Е. В. Номенклатура – политическая элита Советской России // Общественные науки: вопросы и тенденции развития: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2014. С. 9–11.
Tufanov E. V. The Nomenclature – Political Elite of Soviet Russia // Social Sciences: Issues and Development Trends: Proc. of the Int. Sci.-Practical Conf. Krasnoyarsk, 2014. P. 9–11. (In Russ.)
24. Широков А. И. Формы и методы колонизации Северо-Востока СССР в 1930–1950-е гг.: Дальстрой. *Вестник ТГУ*. 2009. № 322. С. 110–114.
Shirokov A. I. Forms and Methods of Colonization of the North-East of the USSR in the 1930–1950s: Dalstroy. *Bulletin of TSU*. 2009. No. 322. P. 110–114. (In Russ.)
25. Huskey L. Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London. *Northern Review*. 2017. Vol. 44. P. 327–346.

Информация об авторах

Леонид Ефимович Блякхер, д-р филос. наук, профессор Высшей школы социальных и политических наук Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Андрей Владимирович Ковалевский, канд. соц. наук, проректор по молодежной политике Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия, e-mail: 012551@pnu.edu.ru

Information about the authors

Leonid E. Bliakher, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Social and Political Sciences, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 000048@pnu.edu.ru

Andrey V. Kovalevskii, Candidate of Sociology, Vice-Rector for Youth Policy, Pacific National University, Khabarovsk, Russia, e-mail: 012551@pnu.edu.ru